

УДК 82

Красильников Роман Леонидович

Доктор филологических наук,
Вологодский государственный университет;
Российская Федерация, Вологда, e-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

**НА ПУТИ К «ПОДОЗРИТЕЛЬНОМУ СИМВОЛИСТУ»:
ЕЩЁ РАЗ О «МОЛЧАНИИ» Л. Н. АНДРЕЕВА**

Статья посвящена «переходному» моменту в творчестве Леонида Андреева, связанному с обращением писателя к экспрессионистско-символистской эстетике, в частности рассказу «Молчание», в котором этот процесс нашел отражение.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, «Молчание», экспрессионизм, символизм.

Roman L. Krasilnikov
Doctor in Philology science,
Vologda State University;
Russian Federation, Vologda

**ON THE WAY TO “A SUSPICIOUS SYMBOLIST”:
ONCE AGAIN ABOUT “SILENCE” BY LEONID ANDREEV**

Abstract. *The article is devoted to the “transitional” moment in the work of Leonid Andreev associated with the appeal to aesthetics of expressionism and symbolism, in particular to the short story “Silence” representing this process.*

Key works: *Leonid Andreev, “Silence”, expressionism, symbolism.*

Для цитирования:

Красильников, Р. Л. На пути к «подозрительному символисту»: ещё раз о «Молчании» Л. Н. Андреева // Гуманитарная парадигма. 2019. № 3 (10). С. 16–23.

Размышляя о стилистическом «протеизме» Л. Н. Андреева, уже давно ставшем «общим местом» в андрееведении, нельзя не задуматься о том, как и когда писатель «повернулся» от реалистической манеры повествования в сторону модернистских (экспрессионистско-символистских) экспериментов. Очевидно, что этот процесс не был мгновенным и, по всей видимости, не совсем отчётливо осознавался даже самим автором. Более того, реалистические приёмы (например, внимание к деталям, биографии

персонажа, его психологии и т. д.) практически на протяжении всего творчества Андреева являлись важным компонентом его художественного мира.

В данной статье мы рассмотрим момент в литературной деятельности писателя, который условно можно назвать «переходным», и рассказ «Молчание», в котором этот процесс нашел отражение. И, на наш взгляд, датировать этот момент следует 1900-м годом, принимая во внимание возникновение соответствующих модернистских тенденций в 1899 году и отчётливое их проявление в 1901 году.

Изменения в художественном мире Андреева зафиксированы в отзывах критиков. Если его первые тексты («Баргамот и Гараська», «Защита», «Петька на даче» и др.) оценивались преимущественно как истории с социально-психологической основой и в них трудно было разглядеть специфику писательского таланта, то «Большой шлем», опубликованный 14 декабря 1899 года, привлёк внимание рецензентов экзистенциальными и мистическими мотивами. Так В. В. Воровский отмечал, что «автор с недоумением остановился перед загадкой жизни: что ты и, главное, к чему ты?», а В. Г. Короленко «в случайной игре карточных комбинаций» почувствовал «таинственную сознательность, насмешливую и злую» [1, с. 593–594]. А. А. Блока заинтересовал рассказ «Ангелочек», напечатанный 25 декабря 1899 года: в нём поэт увидел «ноту безумия, непосредственно вытекающего из пошлости, из паучьего затишья» [1, с. 595]. Не менее показательны и раздражение Л. Н. Толстого (пусть и высказанное позднее – в 1909 году), вызванное «ненужной сценой на крыше дома» в рассказе «На реке» (опубликован в мае 1900 года) и «преувеличенными чувствами», свойственными писательской манере Андреева [1, с. 596].

На основании приведённых цитат можно сделать вывод о том, что критики констатировали наличие в указанных рассказах характерных черт модернистской эстетики: обращения к бытийным вопросам, внимания к таинственным силам, декадентского мотива безумия, экспрессивности и «избыточности» письма. Отметим также и характерное для этих рассказов «ослабление» социальной проблематики.

Все вышеперечисленное нашло отражение в лирической миниатюре «Впечатления» («Прекрасна жизнь для воскресших»), опубликованной 9 апреля 1900 года. Она наполнена декадентскими экспрессионистско-символистскими образами («огромный и шумный город», «глубокие стоны и слёзы», «жадное кладбище» [1, с. 192–193]) и основывается на развёрнутой метафоре «смерти и воскресения таланта».

Однако наиболее показательным, на наш взгляд, в процессе писательского движения от реализма к модернизму стал рассказ «Молчание». Д. Л. Быков в своём проекте «Сто лекций» (2015) назвал этот текст «самым готическим рассказом» Андреева, знаком нарождающейся литературной эпохи [6]. На этот рассказ обращали внимание многие андрееведы: так Н. Ю. Филоненко, ставившая перед собой задачу изучить непосредственно процесс становления творческого почерка писателя, характеризовала «Молчание» как «заметную ступень» в формировании его новой экспрессионистской манеры. Исследовательница специфицировала и некоторые признаки трансформаций авторского стиля на материале «Молчания»: «В этом рассказе писатель изображает судьбу человека сквозь призму максимального душевного напряжения, которое к финалу достигает гиперболических размеров. Факты жизненной реальности в произведении субъективируются: они немногочисленны, односторонни и призваны оттенить воссозданную автором эмоциональную картину. Этой же цели служит схематизация в описании характера героя, его психологии, речи» [7, с. 9].

Признавая достаточно глубокую изученность темы, тем не менее дадим свой вариант символического содержания этого рассказа, в том числе в свете значения произведения для художественного мира Андреева в целом.

Обстоятельства возникновения «Молчания» хорошо известны. Напомним, что в основу произведения легло действительное событие — самоубийство дочери священника Андрея Казанского, крестившего будущего писателя. Причины такого поступка так и осталась невыясненными, было известно лишь то, что девушка только что окончила гимназию, а отец был очень строг с ней. Рассказ получил одобрение Максима Горького и его окружения, посетителей литературных «Сред» у Н. Д. Телешова, и в декабре 1900 года был опубликован в «Журнале для всех».

Здесь примечательно несколько нюансов. Во-первых, характерное для Андреева, зарабатывавшего на жизнь репортерским трудом, обращение к реальным фактам, тем более связанным с резонансным событием в его родном городе, в кругу людей, знакомых писателю. Во-вторых, атмосфера неизвестности, окутавшая происшествие. Сочетание этих двух факторов и породило произведение, продемонстрировавшее способность автора видеть в очень простых по сюжету бытовых историях глубинные бытийные смыслы (или во всяком случае намеки на них).

В этом свете нельзя не указать, что экспрессионистская манера повествования Андреева граничит с «символистским миропониманием» эпохи. В «Молчании» неоригинальная жизненная ситуация превращается

в тайну, которую приходится разгадывать и герою о. Игнатию, и читателям. Этот художественный ход явно соотносится с творческими принципами символистов, например с известными словами Ф. Сологуба: «Самая образность, присущая созданиям высокого искусства, обусловливается тем, что для искусства на его высоких степенях образы предметного мира только пробивают окно в бесконечность, суть один из способов миропостижения. <...> в высоком искусстве образ стремится стать символом, т. е. стремится к тому, чтобы вместить в себе многозначительное содержание, стремится к тому, чтобы это содержание образа в процессе восприятия его зрителем, читателем было способно раскрыть все более и более своё глубокое значение» [5].

Доминантным образом-символом рассказа становится молчание. Более того, даже главное событие произведения (самоубийство Веры) фактически остаётся «за кадром» — важной оказывается лишь реакция на него. На самом деле весь сюжет строится вокруг восприятия происходящего о. Игнатием, внутренний мир которого изначально «отчуждён» от читателя повествованием от третьего лица, хроникальной нарративной с очень редкими вкраплениями «всеведущего» автора, позволяющими «заглянуть» во внутренний мир персонажа.

Отец Игнатий переживает личную и вместе с тем экзистенциальную трагедию, не понимая целой череды событий, связанных с поведением Веры: оставшегося за пределами текста самовольного отъезда дочери в Петербург, её возвращения, отказа от общения с семьёй, от объяснения причин своей депрессии, наконец, самоубийства дочери. Утрированная (хотя психологически возможная) концентрация на одной мысли свидетельствует о непонимании священником и своего собственного состояния, и — ещё глубже — ситуации безответного вопрошания к миру вообще.

Для создания нужной образности и необходимого настроения Андреев наполняет рассказ символическими деталями. Прежде всего, примечателен сам мотив молчания, имеющий глубокий архетипический смысл и обширную «историю вопроса». В семиотике этот феномен понимается как вид коммуникативного поведения, противоположный передаче информации речевым способом [4, с. 74]. М. Эпштейн также противопоставляет молчанию тишину («естественное состояние беззвучия») и приводит в пример именно разбираемый нами текст: «На различии тишины и молчания построен рассказ Леонида Андреева „Молчание“: после самоубийства дочери вся тишина, какая только есть в мире, превращается для её отца-священника в молчание, которое давит и преследует его, поскольку выражает нежелание

дочери ответить на вопрос, почему же она бросилась под поезд, выбрала смерть» [9, с. 180].

Таким образом, с семиотической точки зрения, в основе текста оказываются прежде всего не внешние события, а нереализованный диалог. Основными коммуникантами в нём оказываются о. Игнатий и Вера, хотя, если посмотреть на эти образы тоже как на символы, то их значение расширяется, в том числе и с помощью конкретных авторских приёмов. У священника обращает на себя внимание этимология его имени, связанная с темой огня, созвучная непримиримости и внутренней активности персонажа. На наш взгляд, в данном контексте есть основания для сопоставления этого образа с Игнатием Лойолой, которому была посвящена самая первая книга из серии «Жизнь замечательных людей», опубликованная издательством Ф. Ф. Павленкова всего за десять лет (в 1890 году) до «Молчания» и, безусловно, известная тогда широкому кругу читателей. Вместе с тем показательны внутренние изменения о. Игнатия от начала к концу рассказа: из священника, «карающего огнем» своего гнева непослушание окружающих, он становится человеком, которого «выжигает», приводит в состояние помешательства непонимание Вериного поступка.

Выбор писателем имени дочери ещё более прозрачен. Оно сразу активизирует поток смыслов, связанных с поиском веры на фоне распространения атеизма в конце XIX – начале XX веков. Эта проблема чрезвычайно волновала Андреева, который называл подобные вопросы «проклятыми», цитируя Г. Гейне: «На проклятые вопросы / Дай ответы нам прямые!» И если вначале о. Игнатий вопрошает «Скажи!», то в последней части рассказа — «Вера!». Безусловно, это обращение не только к погибшей дочери, но и к религиозному чувству, которое оказалось бессильно перед реальностью, в конце концов, к Богу, не дающему ответа.

Таким образом, в «Молчании» происходит провал коммуникации не столько между отцом и дочерью (возможны варианты – между разными поколениями, провинцией и столицей), сколько между человеком и его верой, человеком и Богом. Показательно восклицание персонажа «Заблудился!» в конце рассказа, имеющее, несомненно, символический смысл.

Добавим, что охарактеризованная ситуация намеренно усугубляется указанием профессии о. Игнатия: как священник, он, казалось бы, должен быть наделен особыми способностями и полномочиями во взаимодействии с Богом. Очевидно, что этот факт был значим в общественной оценке действительного самоубийства дочери Андрея Казанского. Также он оказывается важен и для прихожан в рассказе.

На наш взгляд, есть ещё один контекст, который можно ассоциировать с мотивом молчания, — историко-культурного свойства. Этот феномен в русской культуре связан с таким религиозным учением, как исихазм. Данное учение дало новый толчок к развитию православной церкви на Руси в XIV–XV веках, во времена Сергия Радонежского и его учеников, Феофана Грека и Андрея Рублёва. Оно волновало и русскую религиозную мысль рубежа XIX–XX столетий (например, архиепископа Феодора (Поздеевского)), стремившуюся к обновлению и повышению авторитета православия среди населения. Краеугольным камнем исихазма и как отшельничества, и как особой психофизической практики было именно молчание, правда, подразумевавшее созерцание и внутреннюю молитву [3], а вместе с этим и больше шансов на успешное взаимодействие с Богом. С данной точки зрения, в рассказе Андреева наблюдается совершенно противоположная картина: молчание оказывается не условием божественного откровения, а отказом неизвестной метафизической силы отвечать на поставленные человеком «проклятые вопросы».

В то же время необходимо обратить внимание на то, что является причиной такого молчания. Это самоубийство, один из любимых мотивов Андреева, не понаслышке знакомого с суицидом. Дочь о. Игнатия берёт на себя страшный грех, не прощающийся православной церковью, еще более остро воспринимающийся относительно семьи священника: «И всем хотелось видеть его страдающим, сломленным и сознающим, что он виновен дважды в смерти дочери: как жестокий отец и дурной священнослужитель, не могший уберечь от греха свою же плоть» [1, с. 198].

Нельзя не вдуматься в получившееся сочетание слов; «самоубийство Веры», — которое, согласно сказанному нами ранее, преобразуется и в метафорическое «самоубийство веры». Можно увидеть в этом факте критику писателем церкви и в целом человечества, создавшего институт, претендующий на решение экзистенциальных задач, но не способный справиться с ними. Не случайно писатель подчёркивает отрицательные черты о. Игнатия: «был в обхождении суров и горд, ненавидел грешников и не прощал их, а сам в то же время, завистливый и жадный, пользовался всяким случаем, чтобы взять с прихожанина лишнее» [1, с. 198].

В то же время нельзя не увидеть в рассказе и танатологической проблематики, тоже релевантной для андреевского творчества. Прежде всего примечательно, что в психоанализе, родившемся по сути вместе с публикацией книги З. Фрейда «Толкование сновидений» в 1900 году, молчание, немота ассоциировались именно со смертью [8, с. 39]. Допрос Веры переходит в вопрошание к миру и в конце концов в вопрошание к смерти.

Если при жизни дочери незнание конкретных событий, случившихся в Петербурге, оставляло хоть какую-то надежду на решение проблемы, то после самоубийства утверждается незнание абстрактное, бытийное, невозможность получить ответы никогда. Экзистенциальный тупик, своеобразная «стена» и приводит к безумию главного персонажа.

Не будет преувеличением сказать, что «Молчание» положило начало становлению того оригинального писателя Андреева, каким мы его знаем сегодня. Разработанные в произведении образы получают развитие в других текстах автора: прежде всего, в «Жизни Василия Фивейского» (священник, беда в его семье, вопрошание к вере и Богу), «Рассказе о Сергее Петровиче» и «Весной» (самоубийство), «Город» (огромный гнетущий город) и др. Будет активно использоваться писателем и сам мотив молчания, например, в той же «Жизни Василия Фивейского» (главный герой погружается в «бездонный провал и вечное молчание»), «Елеазаре» (молчащий воскресший), «Иуде Искарите» (в ответ на свои вопросы к Христу главный персонаж слышит «молчание, огромное, как глаза вечности»). Личное переживание коммуникативных «стен» встречается и в эго-документах Андреева, особенно во время социальных потрясений незадолго до смерти: «Кончилась музыка — и наступает ничего. Просто ничего. Никого не жду, никуда не протягиваю рук. И это страшное молчание внутри. И некому сказать приди!» [2, с. 25–26].

Наконец, для многих произведений автора станут характерными применённые в «Молчании» формальные приёмы: «очуждённое», «остранённое», гротесковое письмо, большое количество выразительных средств, прежде всего метафор, усиливающий, нагнетающий настроение повтор ключевых слов и фраз, неоднократное употребление союза «и» в начале предложений, вызывающее ассоциации с библейскими текстами, и т. д.

Во многом продолжение экспериментальной литературной работы Андреева было связано с одобрительной реакцией на рассказ «Молчание» «собратьев по цеху», в том числе Л. Н. Толстого, оценившего произведение высшим баллом — «5» [1, с. 599]. По всей видимости, образность рассказа показалась органичной даже писателям реалистического толка.

Однако далее Андреев усилит экспрессионистский характер своего творчества, утрируя абстрактность и выразительность повествования, деформируя описываемую действительность. Это и приведёт к тому, что он станет для одних «презренным реалистом», а для других — «подозрительным символистом».

Литература

1. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1990. 639 с.
2. Андреев, Л. Н. S.O.S. : Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб. :Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.
3. Дунаев, А. Г. Исихазм [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и Все Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/674926.html> (дата обращения: 01.09.2019).
4. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
5. Сологуб, Ф. <Речь на «Диспуте о современной литературе»>[Электронный ресурс]// URL: <http://www.fsologub.ru/text/rech-na-dispute-o-sovremennoy-literature.html> (дата обращения: 01.09.2019).
6. Сто лекций с Быковым. Леонид Андреев «Молчание», 1900 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hxSEDEfgonc> (дата обращения: 01.09.2019).
7. Филоненко, Н. Ю. Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л. Н. Андреева 1898–1908 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 19 с.
8. Фрейд, З. Мотив выбора ларца // Классический психоанализ и художественная литература. СПб. : Питер, 2002. С. 35–46.
9. Эпштейн, М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской культуры. М. : Высшая школа, 2006. 559 с.

~